

К премьере «Шута Балакирева» в Санкт-Петербурге

ЧЕЛОВЕК В СЕТЯХ СОБЛАЗНА

«Эстетическая безвкусица обязательно приведет к политической безвкусице», — утверждает Юлиан Панич

Независимая газ. - 2001. - 29 мая. - с. 7.

Николай Песочинский

ПОСЛЕ долгого перерыва вы возвратились в русский театр. Как вы его находите?

— Во времена оттепели мы стремились заявить, что имеем другую точку зрения на искусство и на мир, на жизнь. И у Любимова, и в «Современнике», и у Товстоногова была команда единомышленников, которая хотела доказать что-то свое, — теперь не так. Из-за бедности люди потеряли... веру в себя? Это полдела. Потеряли самоуважение. Готовы играть в любом самом гнусном детективе, бесконечных мыльных операх. С художника спросится — это вахтанговская формула, которая в 50-х означала «вступаешь ты в комсомол или нет». А в конце жизни я понимаю, что спросится на самом деле. И спектакль, который мы сегодня делаем, «Шут Балакирев» — это история о том, что спросится с художника. Был человек, который попал ко двору, разбитной, из Твери. Пригласили царю. Очень ловко начал делать карьеру. Там есть песенка: «Эй, грехи, грехи, грехи. Что угодно для души: кому надо подлижи, кого надо придуши...» Ворвал, угодничал, но обманул Петра, который был его благодетелем, и попал на каторгу. Когда же его вытаскивают из тюрьмы, у него уже седая голова, остановившийся взгляд. Он кричит: «Хочу в Тверь. Или на войну. Хочу отсюда!» У Горина, может быть, было немножко и не про то, но мы-то тянем мысль, что художник, продав себя за жирный кусок свинины, обязательно умрет как художник.

— То есть вы сделали спектакль об отношениях художника и власти?

— Мы говорим о таланте, пожертвованном карьере, что нам как демократам первой волны, людям антисоветского (но советского!) сопротивления, очень понятно. И вторая тема, которая существует параллельно, — тема царя. Трагизм абсолютного владыки. Весь спектакль — это серия предательств. Петр умирает абсолютно одиноким, поняв всю тщетность своих усилий обустроить Россию. Он говорит: «растянул державу как гармонь, а как на клавиши нажимать, не научил...» Отношения Петра и его жены Екатерины оказались у нас на первом плане отчасти благодаря тому, что эти роли играют замечательные актеры — Геннадий Богачев и Наталья Данилова. И нам бы только не нарушить творческий процесс. Анатолий Горин, играющий Балакирева, шел к своему шуту мучительно, спотыкаясь, путаясь, но теперь можно сказать, что шут Анатолия — победа! Это не Вася Теркин, не Емеля-дурачок, но это русский хитроумный, которому очень захотелось пожить хорошо. Символический образ. Эта тема — судьба человека в сетях соблазнов — проходит через весь спектакль. Может быть, нас не поймут, сочтут ханжами. Но я был бы счастлив, если бы моя внучка или мой сын увидели этот спектакль. Я перед ними оправдался бы за все 50 лет, что я занимаюсь этим ремеслом.

— Получается политический театр, а насколько он может заинтересовать сегодняшнего зрителя?

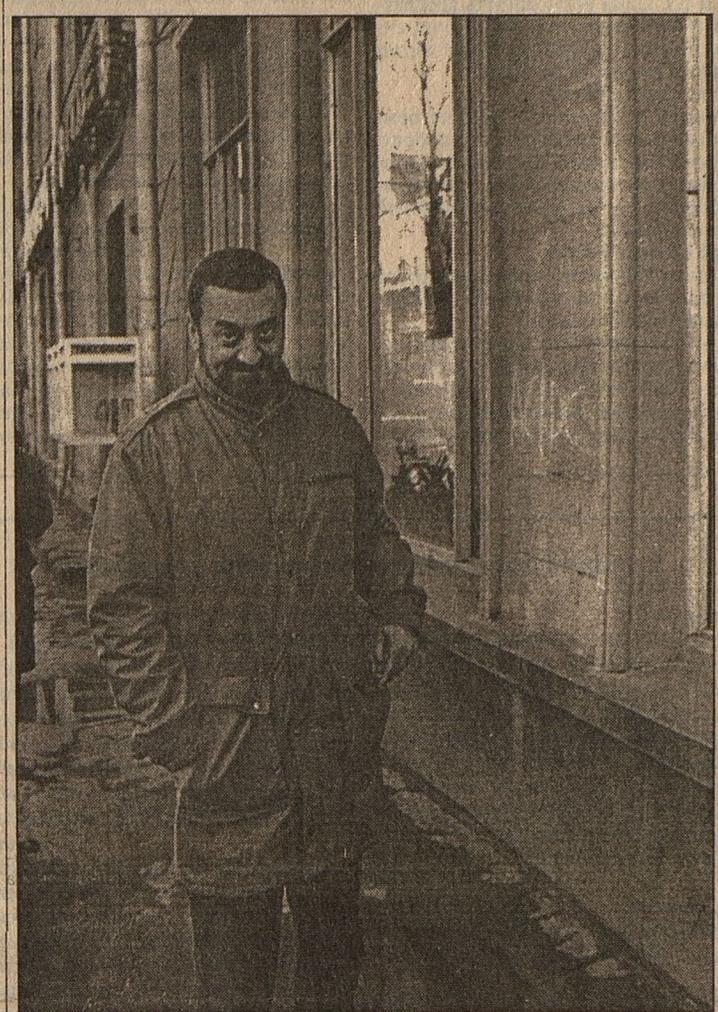
— Солженицын недавно сказал потрясающую вещь: «все есть, а правды нет!». Правды нет не только потому, что ее не говорят, а потому, что правду не хотят слушать. Люди перестали быть крестьянами, рабочими. Сегодня у всех одна забота — 6 соток садового участка. Но они не хозяева. Какой-то микроскопический уровень. Когда они становятся богатыми, то строят, как нищий строил бы себе дворец: пять этажей на шести сотках, покупают «Мерседес 600» — «Мерседес 230» их не устроит. Это безвкусица!

— Но он же на ворованные деньги покупает...

— А даже если на заработанные... А какие деньги были у Саввы Морозова? Тоже не стоял у станка. А какой вкус был! Вот это потеряно — природный вкус, чувство прекрасного, и не только в искусстве. Я в ужасе от того, что на майках людей, пришедших к Кремлю поддержать президента, — блатное выражение «Все путем!». Эта удивительная эстетическая безвкусица обязательно приведет к политической безвкусице.

— Когда рушили хрупкий серебряный век русской культуры, когда рушили церкви, высылали парохомы ученых и духовно обезглавливали страну, — к власти жлобы пришли и дали в результате 30-е, 50-е, 60-е, 70-е годы. А сегодня поднимается жлоб с сотовым телефоном. Перечень любимых профессий молодежи: гангстеры, проститутки, адвокаты, снова гангстеры. А почему нет? Все с молотка! Все на продажу! Вы посмотрите, что творит телевидение. Для меня это большая тема, я открывал в 60-х здание Ленинградского телевидения. Я оставил его в 1970 году с мощным «Лентелефильмом», который делал больше пятидесяти фильмов в год. Куда это ушло?.. Говорят, что тогда в совке 80% национального

Юлиан Панич — актер, режиссер, журналист. В 1960-х годах он — молодой положительный герой советского театра, дублер Игоря Горбачева в товстоноговской «Оптимистической трагедии», лицо с открыток «Актеры советского кино». Став режиссером Ленинградского телевидения, он, по его словам, до того задумался, что оказался в эмиграции, и за 1970–1980 годы прочел у микрофона Радио «Свобода» всю лучшую неподцензурную русскую литературу от Солженицына до Довлатова. Когда настала перестройка, он, гражданин США, обитающий в Париже, стал проводить по полгода в России. Панич по собственному опыту знает, что в эмиграцию советские люди выползали «на четвереньках», и не хватает одной жизни, чтобы встать с четверенек на ноги, стать творческим человеком в иной среде. Наверное, поэтому именно «гуманитарии» так активно возвращаются на Родину. Панич записал с русскими артистами десятки радиоспектаклей. Два года назад он дал слово своему другу Григорию Горину, что поставит его пьесу «Шут Балакирев» в Петербурге. Горин умер год назад. Но в петербургском Драматическом театре имени Комиссаржевской идут репетиции, их — вместе с Людмилой Панич — Юлиан Панич должен завершить в день своего семидесятилетия.

Григорий Горин — автор «Шута Балакирева». Фото Павла Горикова

валового дохода уходило на оборону, а сейчас, мол, во много раз меньше. Где же деньги? Почему мне сегодня нужно искать спонсоров, чтобы поставить спектакль? Как можно было пустить культуру на самотек? Вот у дома, где я сейчас живу в Петербурге, сделали потрясающую новую чугунную подпорку под вывеской «игровые автоматы», но сам дом начала века рушится. Мемориальная доска «здесь жил Маршак» висит на стене, а стена сыплется, сыплется... А в нишах парадной когда-то стояли скульптуры. Куда все ушло?

— Но люди, которые ездят на «Мерседесах» и вешают вывеску «игровые автоматы», они ведь не придут смотреть ваш спектакль?

— Театр, в котором я сейчас работаю, — легендарный. Он возник в блокаду. Здесь идет изящная «Бура» Шекспира и не менее изящный спектакль «Самоубийство влюбленных на острове небесных сетей», мощный спектакль «Дама с камелиями»... И реакции зрителей меня пугают. Они поют вместе с актерами (актеры поют на сцене, и в зале тоже вдруг начинают петь), аплодируют до посинения, и сами в восторге от своих аплодисментов, заливаются хохотом на колючие острооты. Мы хотим сделать начало спектакля не просто бодрым, но буффонно-смешным, чтобы потом потихонечку начать ввинчивать зрителю серьезные мысли. И боюсь: а что если зритель, как начнет смеяться, так и не перестанет. Петр Великий умирает на сцене, а они настроены на хохотушки. Станут ли серьезными? Достаточно ли податливы они? Достаточно ли чутки? Вот насколько я сегодня боюсь публики.

— В этой пьесе много смешного...

— У Горина сподвижники Петра часто выглядят клоунами, но в пьесе-то много смыслов! А актеры уже много раз говорили: «мы все-таки Горина играем, что же вы требуете серьезного?»

— А чего хотел Горин? Поучительную историческую драму?

— Когда мы с Гориним обдумывали «Балакирева», переписывались почти ежедневно по электронной почте. Вот что он тогда мне писал: «Поскольку время помянуть нельзя, то можно помянуть свое отношение ко времени, что я и пытаюсь сделать, сочиняя новые пьесы, выпуская новые книги». Горин мне писал: «Мы вернулись из Кремлевского дворца, где была Рождественская встреча патриарха с мирянами, то есть с российской элитой. Десяток рядов в партере: губернаторы, депутаты и мы, «творческая интеллигенция» —

Шушкина, Дуров, Захаров, Караченцов, Горин и прочие. Со сцены — стыдоба: кинокадры с Жириновским и Зюгановым, которые ведут разговор про Христа подвиг. В первый раз, поверишь ли, мне стало радостно, что не крещен наспех и не участвую в общей пошлости. Никакой Войнович (вспомни его «2042-й») не мог себе представить коммуно-христианское кликушество, которое нынче захватило Россию. На каждом пунктике обмена валюты — икона Божьей Матери, на сцене Кремлевского театра звучит молитва под фонограмму. Вот эта искренность веры! Засим прощаясь, ругать все — не останется времени на сон». Вот это Григорий Горин!

— Может быть, потому он и писал про шута Балакирева? Чтобы не участвовать во всем этом серьезно, приходится становиться клоуном...

— Марк Захаров очень точно сказал в день смерти Гриши: он сам был шутом. Он правду говорил царям, прикрываясь своим шутовским тоном. Я не шут. У меня нет силы иносказания. Я не боюсь царей и не считаюсь с царями. Для меня нет начальства на земле. Есть врачи, есть уличные регулировщики, уборщицы. Есть актер, который выходит на сцену. А начальства нет. Администраторы — да, но это не начальство. Я повторяю фразу Салтыкова-Щедрина: «когда мы говорим «отечество», мы подразумеваем «ваше превосходительство». Вот где начинается потрясающий парадокс русского человека! Только что проклевывавшееся самосознание свободного человека может уйти в никуда, потому что мальчики в майках с надписью «Все путем!» могут и морду набить, и газеты запретить, и телевизор выключить, и театр закрыть.

— Вы изучали сейчас судьбы шутов. Это вообще в природе театра — продаваться?

— Обязательно. Вечно. Нас же недорого покупают. Нам же поэтому и понадавали званий — заслуженные артисты, лауреаты... Это ли не продажа?

— А вы не пытались себе объяснить появления новой коммерческой культуры в России? Почему такой рывок к обогащению?

— Я думаю, что это все-таки синдром раба. Раба, которому вместо слова «свобода» почудилось слово «воля». Это восстание Пугачева. Это «сарынь на кичку». Я пессимистически отношусь к тому, что происходит в духовной жизни страны. Как эмигранту мне это особенно заметно. Ведь, находясь внутри ситуации, многого не замечаешь...

Санкт-Петербург

631